Дело о призрачном юнкере

Автор:
Игорь Евдокимов

Дело о призрачном юнкере

Игорь Евдокимов

"Архив Корсакова", часть III.

Канун Рождества, 1880 год. В обмен на раскрытие тайны из своего прошлого Владимир Корсаков вынужден по заданию загадочного жандармского полковника отправиться в Москву. В заснеженном военном училище найден убитым его начальник, генерал Сердецкий. Полиция в замешательстве – труп обнаружен в запертом изнутри кабинете, а методом убийства является запрещенное почти 20 лет назад воинское наказание. Немногие офицеры и воспитанники опустевшего на каникулах училища шепчутся о призрачном юнкере – мстительном духе, рыскающем по заросшему старому парку и безлюдным коридорам. Корсакову предстоит разобраться – дело ли это рук хитроумного убийцы из плоти и крови или молодой сыщик скоро станет жертвой проклятия, нависшего над славной воинской школой.

Игорь Евдокимов

Дело о призрачном юнкере

I

20 декабря 1880 года, понедельник, полночь, Дмитриевское военное училище, Москва

Часы пробили полночь. Наступило время мертвецов.

Они смотрели на него с картин, украшающих кабинет. С корешков книг о военном искусстве и славных победах русского оружия. Осуждающе глядели с деньеровского[1 - Андрей (Генрих) Иванович Деньер – один из первых российских фотографов, владелец ателье на Невском проспекте.] дагерротипа, стоявшего на столе рядом с револьвером и бокалом арманьяка.

За окном мягкими хлопьями падал снег.

Хозяин кабинета не считал себя старым, но отчего же так стариковски ломит кости и холодеют руки? Неужели, это страх? Нет! Страх – спутник любого солдата, который успел понюхать пороха. Он – как дикий зверь, либо пожирает тебя, либо подчиняется руке сильного. А Владимир Павлович Сердецкий имел все основания считать себя сильным человеком. Возможно, не добродетельным или честным, но сильным – точно. Он давно научился побеждать страх, сжимать его в безжалостный кулак и не давать воли. Так откуда дрожь? Откуда ожидание, что фигура в старой униформе, запечатленная на дагерротипе, вот-вот придет в движение и шагнет из рамы в кабинет, дабы поприветствовать старого друга.

Он раздраженно опрокинул рамку изображением вниз, схватил бокал и осушил его одним глотком. Раньше за ним такого не водилось – дорогой напиток принято было смаковать. От резкого прилива неприятной сладости арманьяка его передернуло. Но задачу свою глоток выполнил – привел в чувство. Сердецкий поставил бокал обратно, прошелся по скрипучему паркету и опустился в огромное удобное кресло. Смешно! Видел ли он себя почти 30 лет назад, в пылу сражений, скучающим стариком с собственным кабинетом и полным достатком? Хотя… Себя не обманешь! Видел, конечно! Поэтому и делал то, что делал, не задумываясь о последствиях.

Шаги раздались в пять минут пополуночи. Их было слышно издалека, из конца коридора. Пустого коридора. На всем этаже не было ни души, кроме него самого – он специально отдал такой приказ, и не было в училище человека, который бы

посмел ослушаться. А значит оставалась лишь одна пугающая возможность – шаги за дверью человеку не принадлежали.

Кто-то шел по коридору, медленно, но неумолимо, вбивая каблуки солдатских сапог в паркетный пол так, что их стук гулким эхом отдавались от стен. С четкой монотонностью метронома. В такт маятнику огромных напольных часов. Неотвратимо.

В панике он потянулся за револьвером, неловко смахнув со стола бокал. Тот с противным звоном упал на пол и раскололся. Испуганный Сердецкий не обратил на это никакого внимания. Он отчаянно пытался взвести револьвер, но силы будто покинули его. Пришлось схватить рукоятку обеими руками и надавить двумя большими пальцами на курок. Если бы так опустился офицер в его подчинении, он бы не дал паникёру отмыться от позора. Однако сейчас было не до самоуничижения.

– Кто там? – спросил Сердецкий, стараясь звучать грозно. Тщетно – голос предательски дрожал. Ответа не последовало. Да и не нужен он был. Хозяин кабинета прекрасно знал, кто пришел по его душу. Неведомый гость сделал два последних шага и остановился прямо перед дверью.

– Кто там? – повторил он, уже куда жалобнее. Как ни странно, это помогло. Он словно посмотрел на себя со стороны – и чуть не содрогнулся от омерзения! Жалкая старая развалина! Разве так встречает врага боевой генерал?

Он вскочил из кресла, решительно пересек кабинет и распахнул дверь, готовый без промедления выстрелить в тот ужас, что ждал за дверью.

Но встретил его лишь пустой коридор. Чьи бы шаги не сотрясали его несколько секунд назад, сейчас в нем не было ни души. Хозяин кабинета поймал себя на том, что рука с револьвером нервно мечется из стороны в сторону, пытаясь выцелить врага в полутьме. Сердецкий выдохнул, опустил оружие, закрыл дверь, и бессильно привалился к ней спиной. Снова пустота! Который это раз? И почему он ждал, что сегодня что-то изменится?

Сердецкий достал из кармана ключ, повернул его в замке и отошел от двери. На дрожащих ногах генерал прошаркал к шкафу, извлек из секретера графин, новый бокал, и щедро плеснул себе целительной жидкости, не выпуская из руки

револьвер. Из зеркала за дверцей на него взглянул старик с всклокоченными волосами, глазами, покрытыми сеткой красных лопнувших сосудов, и трясущимися губами.

– Я стал тем, кого презираю, – хрипло прошептал он себе под нос. Забрал бокал, зло захлопнул дверцу, и прошаркал к окну. Там по прежнему крупными хлопьями меланхолично падал снег. Но не он завладел вниманием Сердецкого.

На заснеженном плацу кто-то стоял. Стоял жутко и неподвижно. В фигуре было что-то неестественное. «Снег!», пронеслось у него в голове. Как бы густо тот не шел, за фигурой должна была тянуться цепочка следов! Но её не было! Стоящий на плацу не оставлял следов.

Зрение у хозяина кабинета было не то, что в молодости. Пришлось щурится и болезненно вглядываться в снежную тьму. Фигура оставалась размытой, и, быть может, все дело в воображении, но…

Стоящий на плацу когда-то был одет в офицерские брюки и белую рубаху. Когда-то он был даже похож на человека. Но сейчас это была ужасная ярко алая масса из мяса и крови. Остатки кожи свисали с него струпьями. Волосы слиплись, покрытые алой коркой. Но самым ужасным были глаза. Хозяин кабинета не мог, не должен был видеть глаз этой жуткой фигуры – слишком велико расстояние, слишком темно на улице, слишком подводит собственное зрение. Но глаза окровавленного человека на плацу смотрели прямо на него, старика в мундире, обрамленного теплым желтым светом единственного горящего окна в здании! Страшный гость видел его! И в глазах его было столько боли и ненависти, что старик с жалобным криком отшатнулся от окна, выпустив из рук бокал. Тот упал и разбился – второй за каких-то пять минут.

А затем произошло самое страшное. Окровавленный гость больше не стоял в центре плаца. Он был уже здесь, прямо за окном! Невозможно! Неправильно! Человек не способен в мгновение ока преодолеть такое расстояние! Да что там, человек не способен стоять за окном на высоте третьего этажа!

Хозяин кабинета вскинул револьвер, но выстрелить не успел. Раздался хлесткий свист – и руку пронзила обжигающая боль. Пальцы разжались, оружие с тяжелым стуком упало на пол. Старик распахнутыми от ужаса глазами взирал, как на тыльной стороне ладони проступает алая полоса. А затем свист раздался

вновь! И еще раз… И еще…

II

20 декабря 1880 года, понедельник, утро, кафе «Доминик», Санкт-Петербург

Петербург ночью тоже накрыл снег. Утром город проснулся укрытым девственно-белым одеялом. Снег не делал отличий между богатыми и бедными, одинаково засыпая и Сенатскую площадь, и Вяземскую лавру[2 - Страшные трущобы дореволюционного Петербурга.], и горный хрусталь заледеневшей Невы и каналов. Все неудобства можно было простить за одно то, что исчезла вечная грязная слякоть под ногами. Даже дощатые павильоны с очагами, собранные для согреву простого люда, не успели еще распространить вокруг себя мерзостное месиво из тающего бурого снега. Над крышами в безветренном морозном воздухе вздымался дым из печных труб. Из постоянно открывающихся и закрывающихся дверей кафе «Доминик» на Невском валил густой пар.

После октябрьских событий в доме баронессы Ридигер Корсаков бывал здесь все реже и реже. Скорее по привычке, чем от большого желания. Особенно он избегал левого зала, с окнами на площадь перед кирхой – там, где они в последний раз виделись с Амалией Штеффель. Владимир оставался лишь в правом, кофейном, зале, да и там не задерживался надолго. К несчастью, он действительно создал негласную традицию – «Корсакова ищи в Доминике». Nobless oblige[3 - Здесь – «положение обязывает» (фр.)]. Вот и сейчас, водрузив на нос очки для чтения, он закрылся от окружающих газетой, которую рассеянно изучал, допивая остывающий кофе.

– Здесь свободно, – казалось бы, фраза должна была звучать, как вопрос, однако в устах остановившегося у его столика господина больше походила на констатацию факта. Голос Владимир узнал еще до того, как посмотрел на гостя – хриплый, неприятно скрежещущий, словно металл о металл. Безымянный жандармский полковник – высокий, с могучими плечами, тонкими усиками и неприятно поблескивающими глазами – уселся на стул напротив, не дожидаясь приглашения. У столика тотчас же материализовался бледный нервный официант с шахматной доской[4 - «Доминик» считается «родиной»

отечественных шахмат – именно в этом кафе начали встречаться столичные любители данной игры, хотя в самом кофейном зале проводить партии было не принято.], которую он водрузил между Корсаковым и офицером, торопливо расставляя фигуры. Полковник все это время лениво поглядывал в окно на бесконечно спешащий Невский. Наконец, официант удалился, и жандарм перевел взгляд на Владимира.

– Говорят, вы неплохо играете. Не мог отказать себе в удовольствии предложить вам партию.

– Предложение подразумевает, что от него можно отказаться, – недружелюбно ответил Корсаков.

– И вам никто не мешает сейчас встать и уйти, – ухмыльнулся полковник. – Главное, не забудьте счет.

Владимир посмотрел на жандарма, затем на доску, затем снова на лицо собеседника. Полковник был опасен. Страшен, даже. Немного уступал в этом жуткой твари из зеркала, которая, казалось, обратила внимание на Корсакова в тот памятный вечер на Большой Морской – но однозначно не было среди знакомых Владимира человека более пугающего, чем этот, внешне не выделяющийся, господин. Молодому человеку очень хотелось и вправду встать и уйти, но что-то его удерживало. Возможно, поистине месмерический магнетизм жандарма. Возможно, опасения касательно того, что он может сделать с Корсаковым, если общество Владимира перестанет его забавлять. По крайней мере, так он для себя рационализировал решение остаться. Но если бы Владимир прислушался к себе, то столкнулся бы с неприятным фактом – в глубине души, ему было любопытно, зачем он понадобился полковнику на этот раз.

– Меняться не будем? – уточнил он. Сейчас перед Корсаковым стояли белые фигуры, перед жандармом – черные.

– Нет, меня такой расклад абсолютно устраивает.

Корсаков пожал плечами и двинул вперед королевскую пешку.

– E7-E5, – сказал полковник, сложив руки на груди. Корсаков встретился с ним взглядом. Жандарм был одним из очень узкого круга лиц (их можно было пересчитать по пальцам), которые были в курсе – стоит Владимиру прикоснуться к человеку или вещи, которую тот держал в руках, как перед мысленным взором Корсакова вставала яркая картинка, позволяющая заглянуть в какой-то эпизод из прошлого собеседника. Видения не всегда были понятными и осмысленными. Владимир не мог их контролировать, но его противоестественный талант, словно повинуясь невыраженному желанию хозяина, часто подкидывал ему именно те моменты, которые давали ответы на важные для молодого человека вопросы. Полковник об этом знал – хотя Владимир и не представлял себе, откуда – поэтому отказывался подавать ему руку. А сейчас – прикасаться к шахматным фигурам, ожидая, что за него это сделает соперник. Несколько мгновений они разглядывали друг друга. В конкурсе на самое непроницаемое лицо опытного картежника жандарм побеждал с большим отрывом. Корсаков вздохнул и двинул пешку собеседника в центр поля, напротив своей. Некоторое время они играли молча – не считая озвучиваемых полковником ходов.

– Вы давно были в Москве? – наконец прервал молчание жандарм.

– Проездом – сравнительно недавно, – ответил Корсаков, угрожая ладье соперника.

– А вот представьте, намедни там произошел прелюбопытнейший случай. f5-f4 – полковник, словно бы не заметив хода Владимира, предложил ему двинуть пешку на противоположном фланге. – В ночь на субботу был убит начальник Дмитриевского военного училища.

– Tr?s interessant parce que…[5 - «Прелюбопытнейший потому, что…» (фр.)] – Владимир не закончил фразу и вопросительно посмотрел на собеседника.

– Во-первых, способ убийства. Знакомы со шпицрутенами?

– К счастью, лишь понаслышке, – Владимир все-таки забрал ладью полковника. О шпицрутенах знали все, кто хоть немного был знаком с армейскими нравами. Рядового, пойманного на провинности или нарушении дисциплины, могли «прогнать сквозь строй»: его сослуживцев выстраивали в две шеренги, и давали им прутья, зачастую вымоченные в соленой воде. Затем осужденный должен был пройти меж двух рядов, а каждый солдат – ударить его палкой-

«шпицрутеном» по спине. При достаточной длине строя, такое наказание могло служить смертным приговором. Официально, шпицрутены отменили в 1863 году.

– А вот генерал Владимир Павлович Сердецкий познакомился с ними, так сказать, на собственной шкуре, – полковник плотоядно усмехнулся собственной шутке. – Моего ферзя на А5, будьте добры, и вам шах.

– В чем провинился генерал? – поинтересовался Владимир, анализируя ситуацию на доске.

– Не могу знать, так как сквозь строй его никто не прогонял, хотя травмы, им полученные, указывают именно на этот вид наказания. Однако, это не самая любопытная часть истории. Она заключается в том, что тело генерала было найдено в собственном кабинете. Запертом изнутри.

Владимир удивленно оторвал взгляд от доски и посмотрел на полковника. Кажется, тот был доволен тем, что ему удалось заинтриговать собеседника. Корсаков заставил себя вновь сконцентрироваться на партии, и преувеличенно скучающим голосом уточнил:

– А что же вы не пошлете туда своего ротмистра? Думаю, он мигом разберется в обстоятельствах случившегося.

– К сожалению, Нораев у меня один, и сейчас он занят другим делом государственной важности. А вот в Дмитриевском училище, вот ведь совпадение, открылась временная вакансия. Их преподаватель истории сказался больным, а нескольким воспитанникам требуются дополнительные штудии в рождественские каникулы.

Корсаков снова оторвался от доски, уже догадываясь, куда клонит полковник.

– Профессора из университета и некоторые сокурсники отмечали ваш живой интерес и широкие познания в данной науке, – продолжил жандарм. – Конечно же, вам не составит труда провести несколько занятий для будущих офицеров, м?

– И одновременно попробовать установить, каким образом начальник училища подвергся такой экзекуции, не выходя из собственного кабинета?

– Если вас не затруднит. Училище на каникулах, там остались несколько старших офицеров и горстка воспитанников, так что подозреваемых немного. Вместе с вами поедет уже знакомый вам поручик Постольский. Он возьмет на себя официальную часть дознания, вместе с московской полицией. А вам просто представится шанс понаблюдать за жизнью училища изнутри и составить свою картину произошедшего.

– И почему же вы считаете, что я на это соглашусь?

– Ох уж мне этот прогрессивный век, – скорбно покачал головой полковник. – Никакого «за государя и отечество», все хотят более существенных стимулов. Что ж, извольте. 1877 год. Балканы. Событие, которое оставило вам на память столь удобный дар, и забрало кое-что очень дорогое…

Владимир окаменел. Шум «Доминика», с его бильярдистами, спорщиками, студентами и официантами словно затих. Его заслонил невыносимый звон в ушах. Окружающий мир померк, перестал существовать. Осталась только шахматная доска перед ним, лежащая рядом ладонь, которую Корсаков машинально сжимал и разжимал, да лицо жандарма.

– Вы же до сих пор не находите себе места? – вкрадчиво продолжил полковник. – До сих пор гадаете, с чем таким вы столкнулись? Не в моих силах дать вам ответы на все вопросы, но, по крайней мере, могу намекнуть, где эти ответы искать. Как вам такая плата за услугу?

Жандарм, не дожидаясь ответа, встал из-за стола.

– Постольский будет ждать вас на Николаевском вокзале с билетами на вечерний поезд. Первого класса, конечно же. Он же сообщит все интересующие подробности. Да, и последнее – прекратите искать варианты спасения. Это мат.

Полковник покинул ресторан. Корсакову даже на мгновение показалось, что людская толпа расступается перед ним, словно морские воды перед Моисеем.

На дрожащих ногах Владимир поднялся из-за стола и, перед тем, как выйти самому, коснулся стула, на котором сидел собеседник. Дар молчал. Стул оставался холодным, словно на нем сидел покойник.

III

20 декабря 1880 года, понедельник, вечер, Николаевский вокзал, Санкт-Петербург

Корсаков понятия не имел, сколько ему придется пробыть в Москве, а ехать неподготовленным он очень не любил. Особенно, после летнего путешествия через всю Россию до Пермской губернии с одной единственной дорожной сумкой. Поэтому перед поручиком Павлом Постольским он предстал в сопровождении дюжего носильщика, который, тяжело дыша, катил перед собой тележку с несколькими дорожными кофрами, портпледами и чемоданами. Саквояж с предметами первой необходимости Корсаков тащил сам. Удивление молодого жандарма отразилось у него на лице, поэтому Владимир счел за лучшее ворчливо пояснить:

– С вашей службой приходится быть готовым ко всему! – сочтя долг перед собственной сварливостью выполненным, он протянул руку и искренне улыбнулся. – Рад вас снова видеть, Павел!

Постольский ответил на приветствие неуверенно. «Этого следовало ожидать», подумал про себя Владимир. Они не виделись с октября, когда оба оказались заперты в особняке баронессы Ридигер, и в тот раз юный поручик успел увидеть живого мертвеца, вселившийся в чужое тело дух, а в довершение всего – тварь, которую древние тексты называли «зазеркальным скитальцем». Многие люди после таких встреч становились постоянными обитателями приютов для душевнобольных, но Павел не только выглядел вполне пристойно, так еще и продолжал служить по жандармской части. Владимиру оставалось лишь внутренне порадоваться за душевную стойкость нового знакомого.

Их поезд уже стоял под крышей дебаркадера, которая защищала перрон от зимней непогоды и искр локомотива. Сдав многочисленные корсаковские пожитки в багажный вагон, прицепленный позади паровоза, молодые люди нашли свободное купе в «синеньком[6 - Дореволюционные вагоны делились на четыре класса, различаемые по цветам. 4-ый, самый дешевый и неудобный – серый. 3-ий – зеленый. 2-ой – темно-желтый. 1-ый, наиболее дорогой и комфортный – синий.]» и расположились с максимальным комфортом. Они были разительно непохожи – среднего роста, чуть полноватый, чисто выбритый, с пышными черными волосами, в щегольском костюме Корсаков и высокий, подтянутый блондин Постольский, с обязательными усами из комплекта «юный жандарм», одетый во всегдашнюю униформу, пусть и зимнюю. Павел оглядывался с неподдельным интересом, впервые оказавшись в вагоне первого класса – если бы не купленные службой билеты, он бы явно не мог себе позволить такую роскошь.

– Любите поезда? – спросил Корсаков.

– Обожаю, – с энтузиазмом подтвердил Павел. – Многие считают, что попасть в железнодорожные жандармы сродни ссылке, но я был только рад.

– А за что вас определили на «чугунку»?

– Это долгая история, – уклончиво ответил молодой жандарм.

– А мы до самой Москвы никуда не торопимся, – Владимир откинулся на мягкую, обитую бархатом, спинку купейного дивана.

– На самом деле я у вас хотел спросить… – неуверенно начал Павел, меняя тему.

– Слушай, давай уже на «ты»! Ни к чему нам «выкать». А спросить ты, верно, хотел про события в особняке Ридигеров. Что, ротмистр с полковником не сочли должным ничего не объяснять?

Поручик смутился:

– Да. Полковника я с тех пор и не видел, а ротмистр… Он и сам занят постоянно, и меня загонял. Хоть и старался, но все объяснения давал на бегу, урывками.

– Боюсь спросить, чем ты, в таком случае, занимался с октября?

– Книгами, в основном, – сконфузился Павел. – Самая жандармская работа. Шатался по книжным лавкам и искал запрещенную литературу по спискам ротмистра.

– Только книги явно были не с революционным душком? – понимающе хмыкнул Корсаков.

– Да уж! Лавочки тоже не похожи на подпольные типографии. Я и не знал, что такие существуют! А книги… Чудные они, эти книги – как те, что мы нашли в гостиной Ридигеров. Не знаю, почему, но уверен – не должны они продаваться свободно. От некоторых у меня мурашки по спине бегают, особенно от гравюр. Там такое паскудство иногда изображают…

– Могу себе представить, – подтвердил Владимир.

За окном раздалось два удара колокола и громкий голос станционного служителя:

– Господа! Машина[7 - «Машиной» в то время именовали локомотив.] готова! Потрудитесь занять места в вагонах!

– И что ты хочешь знать? – спросил Корсаков.

– Всё! – выпалил Постольский. – Как такое вообще возможно? Почему об этих вещах никто не знает? Даже не так – откуда о них знаешь ты и моё начальство?

– Ну, на первый вопрос я тебе не отвечу, – ухмыльнулся Владимир. – Вернее, отвечу цитатой – «Есть многое на свете, друг Гораций, чего не снилось нашим мудрецам». А относительно того, почему об этом никто не знает – так это неправда! Во все века находились люди, которые посвящали свою жизнь исследованию изнанки нашего мира и всех тех ужасов, что она скрывает. Некоторые передавали свои знания по наследству. Вот и с моей семьей так – из поколение в поколение мы собираем по крупицам знания о неведомых силах, стараемся понять законы, по которым они существуют, и отличить правду от домыслов. Я узнал эти тайны от отца, ему рассказал дед, и так далее. Можно

сказать, это фамильное призвание Корсаковых.

– Но почему о вас никто не слышал?

– Во-первых, кому надо, те слышали, – усмехнулся Владимир. – Во-вторых, мы не склонны афишировать свою деятельность. Излишнее внимание только помешало бы нам. Ну, и в-третьих, я никогда не слышал, чтобы жандармы интересовались всяческой чертовщиной, но вот мы с тобой едем в Москву по заданию твоего полковника. Кстати, у его епархии есть какое-нибудь официальное название?

– Боюсь, что нет… Я служил на одной из станций на Финляндской железной дороге, когда к моему начальству явился Нораев с официальным документом о моем переводе в Губернское управление. Не успел прибыть, как в октябре оказался с тобой на Большой Морской и понял, что деятельность полковника не имеет никакого отношения к обычной жандармской службе. Так с чем мы все-таки столкнулись?

– Стихией, – коротко ответил Корсаков. – Стихией, которую мы не можем понять и обуздать. В мире всегда было что-то, чего мы не могли объяснить – погодные явления, болезни, вращается ли солнце вокруг Земли. Разгадка этих тайн мироздания заняла многие столетия. То, чему мы были свидетелями, то, что мы называем призраками, проклятьями, месмеризмом, магией – явления того же порядка. У нас нет приборов, чтобы их измерить и классифицировать. Все, что мы имеем – это опыт. Отчасти – свой, отчасти – предков. То, что хранится в тех самых книгах, за которыми тебя посылают.

– А как же Бог?

– Я не буду убеждать тебя, что Его нет. Больше скажу – моя семья, Корсаковы, верует. Но увы, то, с чем мы сталкиваемся не приблизило нас к разгадке вечных тайн. Существа с той стороны, какими бы они ни были, не являются ни ангелами, ни демонами. Хотя многие хотели таковыми казаться. Так что есть на небе Рай и есть ли в недрах земли адское пекло – сказать не могу. Но во всех религиях, так или иначе, разбросаны крупицы истины, которые, увы, невозможно собрать воедино, – он усмехнулся. – Думаю, виновата Вавилонская башня.

– Но ведь то, что мы видели в особняке Ридигеров – это зло! Чистое зло!

– Нет! – резко оборвал молодого жандарма Владимир. – Еще раз – это стихия. Она может быть страшной, разрушительной, беспощадной. Соблазнять могуществом. Стереть нас с лица земли. Но у неё нет своей воли, нет плана, нет умысла. То, что мы видели, в итоге – дело рук людей. Назарова и Нейманда. Они попробовали направить стихию в нужное им русло – и заплатили за это своими жизнями, и жизнями невинных. Если бы не их ритуал – Амалия Штеффель и надзиратель Решетников остались бы в живых, а нам не пришлось бы срочно латать дыру из нашего мира в жуткое задверье. Стихия может убивать – но куда ей в этом плане до людей?

IV

20 декабря 1880 года, понедельник, вечер, поезд Санкт-Петербург – Москва

После отповеди Корсакова какое-то время молодые люди ехали молча. Владимир устыдился своей вспышки, а Постольский то ли опасался задавать новые вопросы, то ли пытался переварить услышанное. За окном тянулись безрадостные зимние пейзажи – густые хвойные чащи, изломанные линии деревьев с облетевшей листвой, да бескрайние, занесенные снегом поля. Скоро и их скрыли ночная тьма и свирепая вьюга. Снег пошел так плотно, что обеспокоенный поручик даже сходил до кондуктора поинтересоваться, ждать ли задержки в пути. Вернулся не успокоенным – служащий гарантий дать не смог.

На первой большой станции Владимир накинул пальто и вышел вдохнуть свежего воздуха после душного вагона. Постольский остался, опасаясь, что поезд тронется быстрее, чем ожидалось. Корсаков же пребывал в самоуверенном убеждении, что без него уж точно не отправятся.

В длинном округлом станционном здании приветливым теплым светом горели окна пассажирской залы. Корсаков решил не отказывать себе в удовольствии и заглянул в просторный станционный буфет, поэтому в вагон он вернулся с ароматными, еще горячими пирогами. По дороге, сунув гривенник кондуктору, отправил того за кипятком в кубовую[8 - «Кубовыми» называли будки с кипятком на станциях. В поездах того времени чай еще не подавали и пассажиры обеспечивали себя сами.]. В купе Владимир плюхнулся на свое место и протянул один пирог попутчику. Перед самым отправлением запыхавшийся кондуктор вернулся с двумя стаканами обжигающе горячего чая.

– Итак! – прожевав первый кусок поинтересовался Корсаков. – Полковник обещал, что ты введешь меня в курс дела. Изволь. Что ты мне можешь рассказать об училище?

– Дмитриевское – одно из старейших в стране, – благодарно откликнулся на предложение продолжить разговор Павел. – Готовит, в основном, кавалеристов. С Высокой школой[9 - Николаевское кавалерийское училище, самое престижное военное учебное заведение в империи, поставлявшее кадры для гвардии.], конечно, ему тягаться не по силам, но ценится оно повыше других, нестоличных. Полковник передал мне, что вас… тебя планируют отправить инкогнито, как учителя, но не сказал, по какому предмету.

– История.

– А… – протянул Постольский. – Тяжело тебе придется.

– Почему? – не понял Корсаков.

Лицо Постольского резко переменилось, приняв снисходительно-брезгливое выражение.

– Понятно все, – высокомерно протянул поручик и прошипел: – Сугубый…

– Прости? – опешил Корсаков, не ожидавший такой перемены.

– Боюсь, именно такой прием тебе стоит ожидать, – надменность слетела с Постольского так же быстро, как появилась. Молодой жандарм грустно улыбнулся. – Учти, что и юнкеры, и большинство преподавателей из армейских презирают гражданских. Все люди и все науки делятся на две категории: военные и сугубые. История относится к сугубым. А уж если её преподает штатский – тем более.

– Интересные у вас там нравы, – был неприятно удивлен Владимир.

– Не нравы, – отрезал Павел. – Цук!

– Что?

– Цук. Это такой кавалерийский прием – резко дернуть поводья, чтобы заставить лошадь бежать вперед или встать на дыбы. А в училищах так называют «славные традиции», – последние два слова Постольский намеренно выделил голосом. Получилось презрительно. – Подобие «цука» есть везде, но в училищах и кадетских корпусах он самый строгий. Юнкера похваляются, что их традиции восходят к французском Сен-Сиру, а основателем у нас был чуть ли не Лермонтов. Это… Как бы тебе объяснить… Система подчинения. Спайки. Осознания, что сейчас ты самое бесправное существо на земле и только выполняя приказы старших ты заслужишь право через год повелевать другими. Такими же, как ты когда-то. Первый год ты будешь «сугубым зверем», «молодым», «вандалом», «пернатым», «хвостатым». На второй – станешь корнетом.

– Не рановато ли для звания? – фыркнул Корсаков.

– О, поверь, среди юнкеров ты встретишь и майоров, и полковников, и генералов, – мрачно пообещал Павел. – Сегодня ты – «зверь», «вандал» и «скиф», трепещущий под зорким взглядом благородного корнетства, едва садящийся на учебного коня, и представляешь собою только подобие юнкера кавалерии. А через год – ты сам уже благородный корнет и хранитель всех традиций школы! Но до этого тебя будут унижать. Бить. Объяснять, какие кровати в общей комнате «корнетские». Как пересекать курилку. По каким лестницам ходить. Стегать розгами. Тебя разбудят и спросят: «Молодой! Пулей встать! Как имя дамы сердца господина корнета? Какие подковы в четвертом эскадроне Лейб-гвардии конно-гренадерского полка? Что такое жизнь сугубого вандала?»

– И что это такое? – заинтересовано спросил Корсаков. Вместо ответа Постольский резко встал, вытянулся по струнке и отрапортовал:

– Жизнь вандала – есть громадный стеклянный шар, на тонком волоске висящий и разбивающийся при малейшем дуновении благородного корнета!

Он упал обратно на диван:

– Надо же, до сих пор это помню… Понимаешь, это ломает человека. Ломает больше, чем все, что ему довелось вытерпеть в кадетском корпусе. Говорят, что узы братства среди корнетов благодаря «цуку» становятся нерушимыми, но это не так…

– И ты через все это прошел? – сочувственно спросил Корсаков.

– Не совсем, – покачал головой Постольский. – Понимаешь, у «зверя» есть возможность обратиться к благородному корнетскому комитету и потребовать, чтобы в отношении него «цук» прекратился. И если господа корнеты сочтут нужным – то так оно и будет.

– Так просто?

– Почти. Тебя не будут трогать и издеваться. Все станут крайне вежливыми. Ты можешь ходить где хочешь и делать, что вздумается. Но никто после этого не подаст тебе руки, не назовет другом, и не поможет в трудную минуту. Ты перестаешь существовать. И после училища это не прекратится – каждый твой сослуживец в полку будет знать, что ты пошел против славных традиций, а значит недостоин ни уважения, ни продвижения по службе. Ты спрашивал меня, как я оказался в жандармском управлении по железной дороге? А вот так. Теперь ты понимаешь, куда мы едем и с какими трудностями тебе придется столкнуться в поисках убийцы?

V

21 декабря 1880 года, вторник, утро, Николаевский вокзал, Москва

Несмотря на опасения Постольского, поезд прибыл на московский Николаевский вокзал[10 - Ныне – Ленинградский.] без опозданий. Молодые люди спустились на перрон и поежились от утреннего холода. Сквозь пар, особенно густой в морозной полутьме, когда солнце еще не поднялось над вокзалом, сновали рабочие, артельщики, пассажиры и встречающие. Вдоль вагонов с важным видом прогуливался коллега Павла, железнодорожный жандарм. С дальних

путей раздавался свист паровозов. От соседнего перрона, сотрясая платформу отбыл грузовой паровик с закутанным в полушубок и несколько шарфов заиндевелым машинистом.

Другой коллега Павла, посланный московским жандармским отделением встречать прибывших, безошибочно определил Корсакова в дорогом пальто и Постольского в униформе, представился и предложил проследовать за ним. Он явно торопился, но к его неудовольствию Владимир потребовал найти носильщика и доставить от багажного вагона до саней всю свою многочисленную поклажу. Заняло это добрых полчаса, особенно учитывая, что Корсаков самолично пересчитал все чемоданы и портпледы, да еще и проверил, не вскрывались ли они. Дорожный саквояж он никому не доверил и держал при себе.

Наконец основательно просевшие сани двинулись от вокзала. Корсаков вспомнил, как приезжал сюда совсем еще маленьким ребенком, когда площадь перед красивым зданием с часовой башенкой еще представляла из себя один огромных размеров пустырь – Рязанский и Ярославский вокзалы тогда еще не были построены. Сейчас же кругом было не протолкнуться от служащих, пассажиров, биржевых и ломовых извозчиков.

Путь приезжих лежал еще дальше, на самую окраину Москвы, к Проломной заставе. Лошадка бодро тащила сани сначала в сторону центра, затем они свернули на Новую Басманную улицу и ехали до широкой площади Разгуляй. Корсаков здесь никогда не был, но без труда узнал бывший дворец Мусина-Пушкина – огромное розоватое здание, отданное Второй московской гимназии. По легенде на фасаде дома располагались солнечные часы, проклятые то ли еще Яковом Брюсом, то ли французским аббатом из церкви Святого Людовика. Слухи настолько пугали юных учеников, что директор вынужден был обратиться к Корсакову-старшему, дабы развеять их. После тщательного осмотра, Николай Васильевич постановил, что никакой чертовщины со зданием не связано, и солнечные часы (несмотря на не вполне удачные очертания, смахивающие на крышку гроба) угрозы для гимназистов не представляют. Историю эту Корсаков-старший смеясь рассказывал подрастающим сыновьям.

За Разгуляем сани повернули направо, на главную улицу бывшей Немецкой слободы[11 - Ныне – улица Бауманская.]. Район этот сильно выгорел в 1812 году и сейчас мало походил на европейский городок, заставший великого преобразователя – Петра I. О прошлом напоминала только старая лютеранская

кирха Святого Михаила, люд же сюда переехал обыкновенный, купцы да мещане. За Немецкой сани вновь повернули, теперь уже налево, и, перевезя приезжих по Дворцовому мосту[12 - Ныне – Лефортовский мост.] через замерзшую Яузу, покатили вдоль леса.

– Это уже часть училища, – крикнул сопровождающий их жандарм. – Бывший дворцовый парк.

– Дворцовый? – переспросил Корсаков.

– Да. Строили для сподвижников Петра Великого, но они все перебрались в Петербург. Старое здание меняло хозяев, перестраивалось в усадьбу, потом стояло заброшенным, пока его не отдали училищу во времена правления государя Александра Павловича.

Сами корпуса училища вскоре показались из-за леса, представляя величественное зрелище в свете яркого зимнего солнца. Владимир прикинул, что от границы города школа находилась в 6-7 верстах. Корсаков, не выпуская из рук саквояж, ступил на хрусткий свежий снег и осмотрелся. Они стояли на плацу перед парадным входом в училище. Главное здание действительно представляло собой бывшую усадьбу, расширенную и перестроенную для нужд военных. Это был настоящий барочный дворец с двумя этажами, розоватыми стенами и высокими полукруглыми окнами почти в человеческий рост. Над главным входом высился явно более поздний пристрой, увенчанный изящной часовой башней.

– Под часами расположен кабинет начальника училища, – проследив его взгляд подсказал сопровождающий. – Там его и нашли…

Жандарм с помощью извозчика натужно выгрузил корсаковские вещи, передал Постольскому папку с документами, запрыгнул в сани и умчался. Владимир и Павел направились к главному зданию. У парадных дверей их ждал мрачный пожилой офицер в полковничьей униформе.

– Панин, Николай Сергеевич. Эскадронный командир. Исполняю должность начальника училища, – строго представился он.

– Корсаков, Владимир Николаевич, командирован к вам заменить преподавателя истории, – протянул руку Владимир. Полковник смерил его холодным взглядом, но на предложенное рукопожатие не ответил.

– Следуйте за мной, – военный четко, словно на плацу, развернулся и направился внутрь здания. Переглянувшимся Корсакову и Постольскому не оставалось ничего, кроме как последовать за ним.

Они поднялись по скользким ступенькам крыльца и оказались в огромном полутемном холле. В глубине виднелись мощные дубовые двери, по обе стороны от которых ввысь уходили две лестницы. Справа, у дежурки, стоял кудрявый ротмистр с острыми чертами лица в форме Смоленского уланского полка, молча провожающий их взглядом. Полковник Панин, не оглядываясь чтобы посмотреть, успевают ли за ним гости, чеканным шагом проследовал к левой лестнице.

– Бьюсь об заклад, что это «корнетская», значит правая – для «зверей», – шепнул Постольский.

Второй этаж встретил их огромной площадкой – на ней можно было выстроить всех воспитанников училища. Панин проследовал мимо, не останавливаясь. Двери в крыло для учащихся были плотно закрыты.

На третьем этаже их встретил короткий сумрачный коридор, упирающийся в строгие тяжелые двери. Перед ними Панин остановился:

– Полиция уже закончила осмотр. Тело доставлено в морг. У вас будет 20 минут. Затем я пришлю офицера вас проводить, – рублеными фразами объяснил командир эскадрона. Он извлек из кармана ключ и отпер двери в начальственный кабинет. Распахивать их Панин, видимо, почел ниже своего достоинства, и проследовал обратно к лестнице.

– Николай… эээ… Сергеевич, – окликнул его Корсаков. Полковник застыл, словно статуя жены Лота, не оборачиваясь. – Позвольте вопрос?

Владимир практически слышал скрежет зубов военного. Тот промолчал, но все-таки развернулся к гостям, сохраняя каменное выражение лица.

– У кого еще есть ключ от двери кабинета?

– Он существует только в двух экземплярах, – ответил Панин. – Один у генерала, один у дежурного офицера.

– То есть, чисто теоретически, у кого-то была возможность открыть кабинет Сердецкого?

– Чисто теоретически – была, – ответил полковник, скрывая мимолетную презрительную ухмылку. – Но, прошу, продемонстрируйте, как можно открыть и закрыть дверь, оставив ключ в замочной скважине изнутри?

Владимир чуть склонил голову на бок, словно бы разглядывая собеседника, и ответил на усмешку военного своей, не менее мерзкой. Затем он поставил саквояж на пол, прошествовал к полковнику и молча протянул руку ладонью вверх. Панин постарался сохранить бесстрастное выражение, но Постольскому показалось, что на его лице мелькнуло мимолетное удивление. Он все еще не шевелился.

– Позвольте, ключ, – вежливо попросил Корсаков. Панин снова достал ключ из кармана и с превеликой осторожностью положил его на протянутую ладонь.

Перед глазами Корсакова привычно мелькнуло видение. Кабинет. Персидский ковер, промокший от крови. Бесформенная, иссеченная груда мяса, бывшая когда-то начальником училища. Владимир приложил усилие, чтобы не вздрогнуть от увиденного – уж точно не перед полковником. Вместо этого он сжал ключ в ладони, четко (откровенно копируя Панина) развернулся на каблуках и проследовал к двери. Постольский, уже немного привыкший к его театральным эффектам, с интересом следил за действиями Корсакова. Командир эскадрона сохранял невозмутимость.

Владимир распахнул дверь. В нос ему ударил мерзостный запах крови – кабинет, видимо, не проветривался. Вдохнув ртом и задержав дыхание, Корсаков вставил ключ в замочную скважину изнутри и закрыл дверь обратно. Затем он опустился на корточки перед саквояжем, порылся в нем несколько секунд и извлек небольшую металлическую подкову. Её он приложил к замочной скважине и аккуратно провернул два раза. Замок щелкнул. Корсаков встал и демонстративным жестом фокусника подергал дверь. Она не поддалась. Затем

он повторил манипуляции еще раз, в обратном порядке. Замок снова щёлкнул, дверь открылась.

– Et voil?! Магнит, – самодовольно объявил Корсаков. – Трюк старый, но, как видите, эффективный. Не утверждаю, что он применялся в ночь убийства, но, согласитесь, «загадка закрытой комнаты» может иметь вполне разумное объяснение.

Он снова извлек ключ из скважины и бросил полковнику. Тот невозмутимо поймал его одной рукой, развернулся и начал спускаться по лестнице. Корсаков проводил его почти восхищенным взглядом.

– Откровенно говоря, я думал, что ты преувеличиваешь, – вполголоса сказал он Постольскому. – Я был в составе действующей армии, когда воевали с турками, но таких экземпляров мне не попадалось.

– Правда? – удивился Павел. – Не думал, что ты участвовал в боях!

– А я и не участвовал, – помрачнел Владимир. – Что ж, давай посмотрим, что могла упустить доблестная московская полиция.

Угол кабинета за рабочим столом у окна был весь в брызгах крови. Она же, как подсказывало видение Корсакова, пропитала персидский ковер на полу, застыв хрусткой коркой. Часть книг из шкафа и вещей со стола были в хаосе разбросаны вокруг – жертва металась по кабинету под градом ударов, но, похоже, очень быстро утратила возможность сопротивляться. Постольский извлек из папки лист осмотра места преступления и зачитал вслух:

– По освидетельствовании всего тела врачом Красовским установлено, что убитому нанесены удары, по характеру сходные с наказанием шпицрутенами. Врач показал, что нанесено было никак не менее 3000 ударов, однако состояние тела не позволяет ему установить точное число. Кожа на спине и руках покойного багрового цвета, покрытая лоскутами изрубленного мяса и запекшейся крови. Следов сопротивления установить не удалось. Рядом с телом был обнаружен 4,2-линейный револьвер системы Смита-Вессона, вероятнее всего принадлежавший покойному. Выстрелов из него, очевидно, не проводилось, поскольку все патроны были найдены в барабане, а офицеры и учащиеся звука выстрелов не слышали. Полагаем необходимым отметить, что

дверь кабинета была заперта изнутри, следов взлома не обнаружено, столь же необыкновенным представляется отсутствие в помещении предмета, коим могли быть нанесены подобные раны.

– Ну, с запертой дверью мы уже разобрались, – продолжая осматривать кабинет констатировал Корсаков. – Что, правда, не объясняет, как генералу могли нанести несколько тысяч ударов палкой. Батальон солдат в кабинете не поместится. Один человек, полагаю, не способен так избить жертву – просто сил не хватит, да и время на это требуется. Экзекуция бы длилась не один час. Действительно, любопытно…

Он подошел поближе к окну, стараясь не наступать на засохшие кровавые лужи, и внимательно огляделся.

– Я читал подобную историю, – подал голос Постольский. – У господина По. Там тоже было убийство в запертой комнате. Оказалось, что совершила его обезьяна, прятавшаяся в дымоходе. Орангутан, по-моему!

– Ну, дымохода я в кабинете не вижу. Да и единственный человек, которому мог бы желать смерти орангутан – это "Американец" Толстой, – Владимир весело фыркнул, довольный собственной шуткой, но наткнулся на непонимающий взгляд Павла. – Забудь, случай занятный, но для другого раза. Да и мертв его герой уже лет сорок[13 - Корсаков переоценивает собственное остроумие, но в целом абсолютно прав. Речь идет о графе Федоре Толстом по прозванию «Американец» (1782-1846), известном авантюристе. Во время кругосветного путешествия на шлюпе «Надежда» он приобрел ручного орангутана, ставшего любимцем команды. К сожалению, скверный характер и отвратительное чувство юмора Толстого настолько довели капитана Ивана Федоровича Крузенштерна, что граф был высажен на Камчатке вместе с обезьяной. В Петербург «Американец» вернулся уже без питомца, судьба которого неизвестна. Вопреки «Убийству на улице Морг», орангутаны – одни из самых миролюбивых и интеллектуальных приматов, абсолютно не склонные к насилию, однако у данного конкретного животного были бы все основания свести счеты с графом Толстым.]…

Корсаков осекся – его привлек блеск на полу.

– У окна лежит разбитый бокал, – Владимир нагнулся и принюхался. – Запах почти выветрился, но угадывается арманьяк. В осмотре указано, где нашли пистолет?

Постольский зашелестел бумагами:

– Да, на полу, недалеко от бокала!

– Значит, мы можем предположить, что в момент нападения генерал стоял у окна. Он обронил бокал и, очевидно, пистолет, а затем отшатнулся от окна к шкафу, где его и настиг убийца. Судя по беспорядку, Сердецкий пытался подняться, схватившись за шкаф и стол, но снова был опрокинут на землю. Это какой силищей надо обладать, чтобы так быстро лишить человека возможности сопротивляться?

– Значительной, – голос, раздавшийся от дверей кабинета, заставил Корсакова и Постольского вздрогнуть. – Простите, не хотел вас напугать!

У порога стоял добродушного вида полноватый офицер небольшого роста с седыми редеющими волосами и красноватыми глазами.

– Позвольте представиться. Красовский, Алексей Юрьевич. Я старший врач училища, к вашим услугам. Ваши коллеги привлекли меня к осмотру бедного Владимира Павловича.

Корсаков и Постольский поочередно представились.

– Значит, это вы заключили, что генерал Сердецкий был забит шпицрутенами? – спросил Владимир.

– Именно так. Я, почитай, военным врачом служу с 1843 года, еще до приказа по военному министерству об отмене телесных наказаний[14 - Приказ №120 вышел 17 апреля 1863 года], поэтому, увы, насмотрелся на подобное с лихвой, и ни с чем не спутаю, уж поверьте.

– Но как человек может получить несколько тысяч ударов прямо здесь, в кабинете?

– А вот этого не могу знать, простите покорно – потупился Красовский. – Только прошу вас поверить, что ничем иным, кроме как прогоном сквозь строй, такие раны не нанести. Загадка сия велика. Вы вот спросили про силу нападавшего. Это я могу вам сказать – даже самые стойкие не выдерживают более 6000 палок за раз. Судя по ранам, сохранившимся на более нетронутых частях тела, удары наносились весьма тонким прутом. Несмотря на свой возраст, Владимир Павлович был крепким стариком, как и подобает военному. Богатырского телосложения, если позволите. То, что он так быстро утратил способность к сопротивлению означает, что удары были необычайно сильными и быстрыми.

– Благодарю за ваши знания, Алексей Юрьевич, – уважительно кивнул Корсаков.

– Да что вы! – смущенно махнул рукой врач. – А теперь, если вас не затруднит, давайте покинем кабинет. Николай Сергеевич послал за вами и будет страшно сердит, если я не смогу уговорить вас уйти. Вы же увидели все, что хотели?

Корсаков еще раз внимательно обвел глазами кабинет, но не встретил ничего, за что бы мог зацепиться взгляд. Он переглянулся с Постольским, однако жандарм только пожал плечами.

– Да, конечно, пойдемте, – согласился Владимир. Перед выходом на глаза ему попался перевернутый дагерротип на столе. Пока Красовский возился с ключом, Корсаков поднял рамку и бегло осмотрел изображение. С фотографии на него смотрели четыре офицера в парадной униформе середины века. В центре гордо возвышался человек-гора, очевидно – Сердецкий, тогда еще полковник. Справа и слева от него безошибочно угадывались два человека, которые встретили их в училище – Панин и Красовский, тоже молодые, и ниже по чину. Четвертый офицер стоял чуть поодаль, с задумчивой улыбкой на губах. На секунду перед глазами Владимира эта сцена ожила – троица смеется, пытаясь принять сколь возможно солидные позы перед фотоаппаратом, Сердецкий машет рукой стоящему поодаль молчаливому другу. Тот качает головой. К полковнику присоединяются его спутники и буквально вталкивают четвертого в кадр. Видение кончилось. Корсаков положил дагерротип на место и поспешил покинуть кабинет.

VI

21 декабря 1880 года, вторник, день, Дмитриевское военное училище, Москва

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Андрей (Генрих) Иванович Деньер – один из первых российских фотографов, владелец ателье на Невском проспекте.

2

Страшные трущобы дореволюционного Петербурга.

3

Здесь – «положение обязывает» (фр.)

4

«Доминик» считается «родиной» отечественных шахмат – именно в этом кафе начали встречаться столичные любители данной игры, хотя в самом кофейном зале проводить партии было не принято.

5

«Прелюбопытнейший потому, что…» (фр.)

6

Дореволюционные вагоны делились на четыре класса, различаемые по цветам. 4-ый, самый дешевый и неудобный – серый. 3-ий – зеленый. 2-ой – темно-желтый. 1-ый, наиболее дорогой и комфортный – синий.

7

«Машиной» в то время именовали локомотив.

8

«Кубовыми» называли будки с кипятком на станциях. В поездах того времени чай еще не подавали и пассажиры обеспечивали себя сами.

9

Николаевское кавалерийское училище, самое престижное военное учебное заведение в империи, поставлявшее кадры для гвардии.

10

Ныне – Ленинградский.

11

Ныне – улица Бауманская.

12

Ныне – Лефортовский мост.

13

Корсаков переоценивает собственное остроумие, но в целом абсолютно прав. Речь идет о графе Федоре Толстом по прозванию «Американец» (1782-1846), известном авантюристе. Во время кругосветного путешествия на шлюпе «Надежда» он приобрел ручного орангутана, ставшего любимцем команды. К сожалению, скверный характер и отвратительное чувство юмора Толстого настолько довели капитана Ивана Федоровича Крузенштерна, что граф был высажен на Камчатке вместе с обезьяной. В Петербург «Американец» вернулся уже без питомца, судьба которого неизвестна. Вопреки «Убийству на улице Морг», орангутаны – одни из самых миролюбивых и интеллектуальных приматов, абсолютно не склонные к насилию, однако у данного конкретного животного

были бы все основания свести счеты с графом Толстым.

14

Приказ №120 вышел 17 апреля 1863 года

Купить: https://tellnovel.com/ru/evdokimov_igor/delo-o-prizrachnom-yunkere

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить